

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА ОСЕТИН-ДИГОРЦЕВ МОЗДОКСКОГО РАЙОНА РСО-АЛАНИЯ

Цаллагова И.Н.

ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований ВШЦ РАН и РСО-А, г.Владикавказ, Россия (362040, Владикавказ, Проспект Мира, 10), e-mail: soigsi.ru

В статье выявлены основные лексико-семантические и фонетические особенности говора осетин-дигорцев Моздокского района РСО-Алания. Носителями говора являются переселенцы из Дигорского ущелья, которые компактно проживают в иноэтничном окружении более двух веков в отрыве от основной массы дигорцев. Иноязычное окружение способствует как сохранению словарного состава языка переселенцев на уровне близком к моменту переселения, так и появлению заимствованной из окружающих языков лексики. Такая языковая ситуация порождает лексико-семантическое и в некоторой степени фонетическое своеобразие рассматриваемого говора. Особая значимость данной работы заключается в том, что до сегодняшнего дня говор осетин-дигорцев Моздокского района не подвергался научному изучению.

Ключевые слова: осетинская диалектология, дигорский вариант осетинского языка, говоры, Моздокские осетины.

SOME FEATURES OF THE OSSETIAN-DIGORIAN DIALEKT OF MOZDOK REGION OF THE REPUBLIK OF NORTH OSSETIA-ALANIA

Tsallagova I.N.

Federal State Budget Institution of Science North Ossetik Institut of Humanities and Social Studies after V.I. Abaev of the Vladikavkaz Sciences Centr of the Russia Sciences Academy and the Government of North Ossetia-Alania (362040, Vladikavkaz, Prospekt Mira, 10), e-mail: soigsi.ru

The article reveals basic lexical-semantic and phonetic features of the dialect of Ossetians-Digorians of Mozdok Region of the Republic of North Ossetia-Alania. The dialect carriers are the migrants from the Digorian Gorge, who have been living separately from the main bulk of Digorians in an alien ethnic environment for more than two centuries. An alien language environment contributes both to the conservation of the vocabulary of the language of immigrants at the level close to the time of relocation, and to the appearance of loan words borrowed from the surrounding languages. This linguistic situation gives rise to lexical-semantic and, to some extent, phonetic originality of the dialect under consideration. This work is particularly significant due to the fact that to date the dialect of Ossetians-Digorians of Mozdok Region has not been the subject of scientific study.

Keywords: Ossetian dialectology, Digorian version of the Ossetian language, dialects, Mozdok Ossetians.

Возникновение первых осетинских поселений в Моздокских степях и в самом городе Моздок относится к 60-м годам XVIII в. Выделяются три основные группы моздокских осетин, которые переселялись сюда в течение XVIII–XX вв. из разных мест горной Осетии целыми аулами, отдельными семьями и родственными группами. Первая группа – осетины, переселявшиеся почти из всех районов Осетии, с начала основания Моздока и до начала XIX в. (самоназвание у этой группы осетин «*цайт*», букв. «колодцы»). Вторая группа – осетины-дигорцы, выселившиеся на Кавказскую линию в начале XIX века из Дигорского ущелья и поселившиеся в 25 км от Моздока, на левом берегу одного из притоков Терека – Ерашти (или Дзерашти), по имени которого они и были названы. Ерашти в основном

проживают в Черноярской и Ново-Осетинской станицах. Третья группа – осетины, переселившиеся из Закинского, Нарского, Алагирского и Куртатинского ущелий горной Осетии в конце XIX – начале XX в. и образовавшие два больших хутора – Веселое и Ново-Георгиевское [6].

Осетины Моздокского района своей самобытностью привлекали внимание ученых – историков, этнографов и языковедов.

Историко-этнографические исследования посвящены рассмотрению вопросов освоения переселенцами новых земель, их социального строя и хозяйственного уклада, культуры, верований, традиций и обычаев [6; 3; 5].

Осетины, поселившиеся в Моздоке и его окрестностях, составляли там значительный группу населения. Первыми в Моздок начали свое переселение крестившиеся осетины, которые хотели тем самым укрыться от притеснений своих и кабардинских старшин и феодалов. Таким образом, осетины здесь оказывались под покровительством царского правительства. Взамен правительство использовало горцев на военной службе. Переселение осетин в Моздок продолжалось и в последующие годы, более того, ее интенсивность только увеличивалась. Екатерина II в 1793 году специально для поддержания осетин учредила в Моздоке епископскую кафедру. В 1798 году там печатается первая осетинская книга [2, с. 274].

Осетины в Моздоке строили себе турлучные дома (*турлучная постройка* – стены из шестов, вкопанных в землю, переплетенных лозой или хворостом и обмазанных глиной) на Осетинской и других улицах. Основным их занятием было земледелие, в то же время они находились вместе с черкесами в составе особого общества «казачьих братьев», предназначенных для несения военной службы в Моздокской горской команде и входивших в состав горского полка, сформированного в 1796 г. Характеристика жизни первопереселенцев довольно точно передает поговорка, которая и сегодня бытует у моздокских осетин: *Еу кьохи – тохæндзаумау, иннæ кьохи – косæндзаумау / В одной руке – оружие, в другой – орудие труда.*

В 1876 году осетин-иронцев числилось уже 498 человек (157 семейств). Среди них встречаются уже и некрещеные (58 %) [2, с. 275]. Они занимаются хлебопашеством, скотоводством, извозом, работой по найму. Моздокские осетины смогли создать большие и сложные хозяйства, и так как им не хватало рабочих рук, в особенности в зажиточных семьях, они нанимали на летние работы бедняков и средников, из соседей, ногайцев, которые целыми кибитками прибывали в рабочее время во все осетинские населенные пункты и оставались тут

часто по несколько лет, поступая к осетинам в батраки.

Следует отметить, что это обстоятельство послужило впоследствии неким экстралингвистическим фактором, потому что не могло не способствовать изучению осетинами ногайского языка, что в свою очередь привело к возникновению такого пласта заимствованной лексики в речи моздокских осетин, как ногаизмы. В основной своей массе осетины владели ногайским языком. К тому же ногайский язык стал интернациональным не только для осетин, но и для черкесов, армян и грузин [2, с. 276].

В царское время контактирование осетин Моздокского района с жителями Северной Осетии было осложнено. По сути, они оказались в отрыве от основной массы осетинского населения, в окружении других народностей (кабардинцы, казаки, ногайцы, кумыки). Это привело, во-первых, к тому, что на момент фиксации, осетины (как иронцы, так и дигорцы), сохранили многие черты осетинского языка, которые в материнском говоре уже переходят в архаичный пласт лексики, а во-вторых, к появлению заимствованной лексики, главным образом из ногайского языка.

Следует отметить, что в 1944 году Моздокский район передан из состава Ставропольского края в состав Северной Осетии. Станицы Черноярская и Ново-Осетинская, наряду с поселком Черноярское и с. Елбаево, входят в состав Ново-Осетинского поселения Моздокского района. В данном поселении на сегодняшний день живут такие национальности, как осетины, русские, кабардинцы, чеченцы, турки и др.

Еще одним местом компактного проживания дигорцев в Моздокском районе является селение Николаевка. По данным информантов, на сегодняшний день, в с. Николаевка проживают такие осетинские (дигорские) фамилии, как: Айлартæ (Айларовы – выходцы из с. Синдзикау), Икъатæ (Икаевы – выходцы из Уаллагкома), Хутъетæ (Хутеевы – выходцы из Уаллагкома), Атайтæ (Атаевы – выходцы из с. Галиат), Магатæ (Магаевы – выходцы из с. Синдзикау), Гадзаутæ (Гадзаевы – выходцы из Уаллагкома), Цæгæратæ (Цагараевы – выходцы из с. Синдзикау), Узæгтæ (Вазаговы – выходцы из с. Синдзикау).

В с. Черноярское проживают такие фамилии, как: Дзæгæлтæ (Дзагаловы), Гокъинатæ (Гокинаевы), Санситæ (Сансиевы), Хъасаунтæ (Кишионовы), Хуритæ (Хуриевы), Къибиртæ (Кибировы), Мæлтъызтæ (Малтизовы), Собитæ (Собиевы), Хъардантæ (Кардановы), Байтугъантæ (Байтугановы), Дзоццойтæ (Дзоццоевы), Сегъойтæ (Сегоевы), Дзоппойтæ (Дзоппоевы), Мугъутæ (Мугуевы), Седойтæ (Седоевы), Сеойтæ (Сеоевы), Кудзантæ (Кудзановы), Дзвгъитæ (Дзвгиевы).

В с. Ново-Осетинское: Дзæрæгъæстæ (Дзарагасовы), Дзагуртæ (Дзагуровы),

Аркъаутæ (Аркаевы), Цакъотæ (Цакоевы), Тургъитæ (Тургиевы), Бичирæхтæ (Бичераховы) и др.

В плане научных изысканий наименее исследованной проблемой по моздокским осетинам является вопрос об изученности используемых у них говоров. В 1930-е годы профессором Б.А. Алборовым были предприняты несколько экспедиций в хутора переселенцев, в ходе которых им собран очень ценный и достаточно обширный диалектологический и фольклорный материал по говору осетин-иронцев Моздокского района. В своем исследовании, посвященном их говору, он дал краткую историю переселения осетин в Моздок и его окрестности, и описал некоторые фонетические, морфологические и лексические особенности речи местных осетин-иронцев. Также автором отмечено, что данный говор более схож с языком первопечатной осетинской книги и с «говором Зако-Алагирцев». Следует отметить, что данное исследование имеет очень важное диалектологическое значение, так как является практически единственной фиксацией говора Моздокских осетин-иронцев. Однако говор осетин-дигорцев Моздокского района им исследован не был [2].

В последующих исследованиях в составе говоров иронского варианта осетинского языка данный говор не упоминается [4]. Хотя, по нашему мнению, ввиду довольно определенных языковых изменений, произошедших в данном переселенческом говоре, он заслуживает большего внимания.

Так как предметом нашего исследования являются говоры дигорского варианта осетинского языка, для нас представляет большой интерес именно говор осетин-дигорцев Моздокского района. Ввиду этого, нами была организована диалектологическая экспедиция в Моздокский район, в ходе которой обследованию подверглись несколько сел: с. Ново-Осетинское (Мосхъæу (Мæсугигъæу)), Черноярское (Дзæрæсте), Николаевка.

В дигорском диалекте по принципу произношения звуков *c / ċ*, *ʒ / ʒ*, *s / š*, *z / ž* перед гласными *e* и *i* выделяются два основных фонетических типа наречий – чокающе-джокающе-шокающе-жокающего и цокающе-дзокающе-сокающе-зокающего [7, с. 8].

В этом отношении говор моздокских дигорцев неоднороден, так как переселенцы представлены с разных районов Дигории. Так, например, в речи информантов из с. Виноградное Моздокского района наблюдается смешанное произношение, т.е. в ней обнаруживается как чоканье, так и цоканье. У жителей с. Николаевка, переселенцев из Уаллагкома, где, как известно, бытует смешанное иронско-дигорское наречие, бытует

довольно интересный переходный говор. Со слов информантов «истинные дигорцы» проживают в станицах Черноярское и Ново-Осетинское, речь которых однозначно можно отнести к чокающе-джокающе-шокающе-жокающего типу дигорской речи, хотя в их говоре в некоторых словах наблюдается свойственное цокающему типу речи произношение: *sænaefseræ*, *poxcɪ*, *ǰædinzæ*, *nesi* и т.д.

Кроме чоканья и цоканья, в разных районах Дигории обнаруживаются, конечно же, не столь определяющие, но все же, не менее значимые для определения реальной диалектологической картины говоров дигорского диалекта, различия в произношении некоторых лексем. Литературные нормы дигорского варианта осетинского языка не совсем устойчивы и проработаны, что, несомненно, усложняет работу диалектолога по выявлению особенностей в говорах. Учитывая этот факт, мы проводим наше исследование с учетом языковой вариативности, которая имеет место быть. Т.е. нами составлена программа, в которую включены междиалектные соответственные явления (варианты произношения того или иного слова на различных языковых уровнях), и в каждом исследуемом говоре мы выявляем именно тот вариант, который используется в данном населенном пункте. В конечном итоге такой подход позволит решить вопрос об определении состава говоров дигорского варианта осетинского языка, который на сегодняшний день остается открытым.

Одним из таких соответственных явлений является произношение звуков [z] [s] [c] [ʒ] [cʰ] перед гласными [i] [e]. Ф. М. Таказов выделяет три типа произношения: первый тип произношения – свистящий, более мягкий, чем перед гласными [a] [æ] [o] [u] (характерно для речи жителей г. Дигоры); 2-й тип – палатализованный, близкий к русским шипящим [ж] [ш] [ч] [дж] (характерно для речи Моздокского района); 3-й тип произношения, наиболее распространенный – переднеязычный, средний между [z] и [ж], [s] и [ш], [c] и [ч], [ʒ] и [дж], [cʰ] и [чь] [7, с. 29].

В дигорских говорах наблюдается также чередование срединных щелевых сонант [w] и [j]: *weduk* / *jeduk* (ложка), *wɛʒun* / *jeʒun* (собирать), *wedagæ* / *jedagæ* (корень) и т. д. Первая форма произношения свойственна стур-дигорскому и моздокскому говору, а вторая – озрекскому и чиколинскому.

Одной из ярких характеристик переселенческих говоров, ввиду разной степени изолированности, является консервация в нем лексики, которая приводит к появлению лексических архаизмов. Так, в активном пользовании в речи моздокских дигорцев находятся такие слова, как: *azbæ*r – тротуар, бульвар (в данном говоре используется для обозначения «коридора»); *nosun* – целовать [8]; *sælbæ*r – мужские брюки; *rændæn* – каталка;

bawæævdirzæn – мочалка; и т.д.

Слова, *nostæ*, *kinzæ* «сноха, невеста» синонимичны, но слово *nostæ* сейчас уже в современных дигорских говорах переходит в разряд архаической лексики, и заменяется словом *kinzæ*. Однако в говоре моздокских дигорцев наблюдается некоторая особенность в употреблении этих лексем. В дни свадьбы невесту называют *kinzæ*, что логично, потому как у этого слова в осетинском языке есть еще значение «кукла», а после свадьбы невеста переходит в статус снохи, и ее называют уже *nostæ*.

В данном говоре слово *kinzæ* имеет так же еще одно значение – «свадьба» (*Næ šinxontæmæ kinzæ es* / У наших соседей свадьба). Термины, обозначающие «свадьбу» в других районах – *kinzæxsævæer*, *ğazt*, *k'ampani*, в моздокском говоре неупотребительны.

Обнаруживается употребление более архаичных или специфических форм названий национальностей, например: *garaxiztæ* – ставропольские кабардинцы, *t'avlentæ* – дагестанцы. Общеосетинский этноним для обозначения чеченцев *sæcæjnak* здесь произносится как *šešejnak*.

В говоре моздокских осетин-дигорцев существуют слова, свойственные только в их речи. Так, для обозначения «подсолнуха» в дигорских говорах используется лексемы *æxsinæn*, *qæne* или заимствованное из русского *semičkæ* / *semuckæ*, в данном же говоре мы имеем в том же значении – *soxra* / *soxran* (из кабардинского *sāxuran* [1]). Любопытно, что семена подсолнуха (семечки) в других районах называют *semičkæ* / *semuckæ*, а здесь – *mukkægtæ* «семена».

Еще одним специфическим для данного говора словом является лексема *širniktæ* – спички. Этимология данного слова нам не известна, но оно устойчиво является особенностью именно этого говора.

Еще одной особенностью является употребление вместо общеупотребительного для дигорских говоров слова *fitxwasæ* – укроп, слова – *kenžë*. В историко-этимологическом словаре осетинского языка В. И. Абаева дигорское слово *kenžë* поясняется как название травы, употребляемой как приправа, «кишнец», которое происходит из грузинского *kinzi*, однако оно сегодня практически не используется в речи [1].

Следствием тесного контактирования с иронцами является появление слов, свойственных иронскому диалекту осетинского языка: *nori* – чеснок (ср. диг. *bodæn*, ир. *nury*); *itu* – утюг (ср. диг. *tuj*, ир. *itu*), *lağz* – выдвижная полка (ср. диг. *ralaskæ*, ир. *lağz*) и т.д. Данное явление может быть следствием того, что в исследованных станицах, кроме дигорцев, составлявших основное население, обосновались, хотя и в более позднее время, осетины-иронцы (Латышевы

(Тотиевы), Баллаевы, Цаллаговы и др.). Без архивных и полевых данных определить количество иронцев, поселившихся с дигорцами сложно, но судя по приведенным языковым данным, определенное влияние на говор дигорцев они оказали.

Осетинское слово *kuræet* как в иронском, так и в дигорском означает «бешмет». Однако в говоре моздокских дигорцев данное слово употребляется для обозначения женского платья. Хотя для обозначения женского платья мы имеем в иронском слово *k'aba*, а в дигорском – *p'olci*. Для объяснения данного языкового явления, необходимо обратиться к этимологии слова. По мнению В. И. Абаева, слово *kuræet* является очень древним и распространено во многих, в том числе и неродственных между собой языках. Так, в иранских языках: согдийский *qwrutu* «рубаша», персидский *kurta* – туника, *kurdi* – род шерстяной одежды. В тюркских языках: *kört* «стеганый женский халат», *kürtä* «короткое платье». На Кавказе: лезгинский – *kurt* – «короткая шуба», лакский – *kkurtu* «бешмет» и т.д. Так же В.И. Абаев предположил, что *kuræet* относилось в древности к тому короткому, выше колен, кафтану, который характерен для скифов [1]. Исходя из этого, термин *kuræet* можно определить как доминанту в семантическом поле, общим признаком которого является «мужская и женская одежда».

Таким образом, диалектной чертой говора Моздокских дигорцев (с. Черноярское и с. Ново-Осетинское), согласно местным диалектоносителям, являются слова *soxra / soxran*, *širniktæ*, которые встречаются только в их речи. Так же определенно можно говорить о том, что слово *kuræet* в значении «женское платье», употребляется только в данном говоре. Возможно, существуют и другие характеристики, но их выявление требует дальнейших исследований и уточнений. Наше исследование показало, что возникновение своеобразного говора, ввиду особых условий жизни моздокских дигорцев, произошло только до некоторой степени. Говор Моздокских дигорцев, с одной стороны, сохранил лексические архаизмы, а с другой стороны, обогатил лексику при помощи заимствований. Основные фонетические диалектные черты показывают, что данный говор входит в состав чокающего типа дигорской речи.

Список литературы

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка в 5-ти томах, Т. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. –665 с.; Т. II. Л.: Наука, 1973. – 448 с.; Т. III. Л.: Наука, 1979. – 358 с.; Т. IV. Л.: Наука, 1989. – 325 с.; Т. V. М.: 1995. – 448 с.

2. Алборов Б. А. Говор осетин-иронцев Моздокского района // Изв. 2-го Северо-Кавказского пед. Ин-та им. Гадиева. Орджоникидзе. –1932. – Т. IX. – С. 287-291.
3. Багаев А.Б. К вопросу о традиционном коневодстве у осетин // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4; URL: <http://www.science-education.ru/118-14170> (дата обращения: 05.08.2014).
4. Бекоев Д. Г. Иронский диалект осетинского языка, 1984. – 386 с.
5. Город Моздок: Исторический очерк / Под. ред. Кучиев А. Г. – Владикавказ: РИПП им. Гассиева, 1995. – 279 с.
6. Калоев Б. А. Моздокские осетины (Историко-этнографическое исследование). – М.: Наука, 1995. – 245 с.
7. Таказов Ф.М. Грамматический очерк осетинского (дигорского) языка. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2009. – 164 с.
8. Цаллагова И.Н. Устаревшая лексика в говорах дигорского варианта осетинского языка // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6; URL: <http://www.science-education.ru/113-10888> (дата обращения: 25.11.2013).

Рецензенты:

Гацалова Л.Б., д.фил.н., ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.

Парсиева Л.К., д.фил.н., доцент, ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.